

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЭТНИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 ГГ.)

© 2019

Подпратов Николай Вячеславович, доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей истории России
Пермский государственный национальный исследовательский университет
(г. Пермь, Российская Федерация)

Поперечная Анастасия Дмитриевна, преподаватель истории
Школа бизнеса и предпринимательства (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В статье исследуются нормативно-правовые акты периода Первой мировой войны, регулировавшие социальную сферу, изучаются социальные практики и институты системы призрения в национальных регионах империи. Целью статьи является анализ мер государственной социальной поддержки и организации ее доведения до отдельных групп населения империи в условиях Первой мировой войны. Актуальность темы определяется тем, что вопросы социальной помощи семьям военнослужащих этнических воинских формирований до сих пор не становились предметом исторического исследования. На основе систематизации правовых документов эпохи и анализа архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, выявляются общие подходы в организации выдачи продовольственного пособия, а также раскрываются особенности реализации нормативных положений социального призрения в национальных регионах. Сравнительный анализ социальных практик периода войны позволяет сделать вывод, что политика правительства в этой сфере была системной и достаточно эффективной, демонстрируя активную реакцию властных институтов на запросы общества в вопросах социальной защищенности семьи, обеспечивавшую своевременную и равную материальную поддержку семьям военнослужащих вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Ключевые слова: Первая мировая война; семьи нижних чинов; нормативно-правовые акты; социальная помощь; продовольственное пособие; паек; цены; инфляция; продуктовый набор; этнические воинские формирования; уездные начальники; уездные по воинской повинности присутствия; министерство внутренних дел; губернаторы.

До введения всеобщей воинской повинности у государства не было необходимости проявлять заботу о семьях нижних чинов (рекрутов). Все изменилось, когда в армию стали призывать практически все сословия разных возрастов. Теперь у многих солдат были семьи, а забота о них на период службы становилась государственной обязанностью. Особенно это было характерно в период войн, когда армия стремительно увеличивалась по мобилизации, вовлекая в свои ряды широкие слои населения и отрывая их от забот по содержанию своих семей. Впервые в России пособия для семей солдат, призванных в военное время из запаса, были введены 25 июня 1877 г., с принятием временных правил. Призрение жен и детей солдатских семей было возложено на органы местного самоуправления [1, с. 1]. Тогда же возникло специальное общество «Попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов» [2, с. 203].

Перед Первой мировой войной правительство разработало новый закон и Положение о призрении нижних воинских чинов и их семей, утвержденный императором Николаем II 25 июня 1912 г. По новому Положению расходы на пенсии и пособия военнослужащим и членам их семей государство брало на себя. Право на продовольственное пособие (паек) в денежной форме получили все семьи мобилизованных. Его величина определялась как стоимость набора продуктов на каждого члена семьи в месяц:

1 пуд 28 фунтов муки (27,85 кг), 10 фунтов крупы (4,095 кг), 4 фунта соли (1,64 кг) и 1 фунт постного масла (0,4095 кг) [3, с. 149].

Денежный размер пайка определялся для каждой местности отдельно и пересматривался при изменении цен на продовольствие, но не реже, чем раз в год к 1 сентября. Выплата пособий в городах производилась ежемесячно, а в сельской местности 4 раза в год (в марте, июне, сентябре и декабре), за 3 месяца вперед (годовые четверти).

Пособие назначалось жене военнослужащего и его детям до достижения возраста 17 лет (на детей до 5 лет пособие выплачивалось в половинном размере), а также нетрудоспособным детям старше этого возраста. Пособие могло назначаться родителям, дедам и бабушке, братьям и сестрам военнослужащего, если они являлись его иждивенцами [4, с. 943].

Положение, как и все юридические документы, имело недостатки, его текст содержал ряд нечетких формулировок, допускавших различные толкования [3, с. 149]. Действие статей Положения распространялось не на все категории военнослужащих, а только на тех, кто был мобилизован, находился в государственном ополчении или в военных дружинах, сформированных по распоряжению военного начальства [4, с. 943]. Особый статус был у добровольцев, формировавших этнические части. Они не являлись мобилизованными, а их воинские подразделения относились к числу иррегулярных. Представители му-

сульманских народов Туркестана, Кавказа и Закавказья не отбывали воинской повинности, и их добровольная военная служба являлась фактически формой заработка. Иными были и выплаты денежного довольствия. Если рядовой солдат Русской армии получал жалование 6 руб. в год, старший унтер-офицер – 48 руб., а вахмистр (фельдфебель) – 72 руб., то в добровольческих Кавказских полках всадник получал 180 руб. в год, а фельдфебель уже 480 руб. [5, л. 17]. Более того, добровольцам выдавались единовременно средства на обзаведение лошадьми, седлами, амуницией и пр. – еще 150 руб.

С началом войны просьбы о распространении закона о призрении семей на всех добровольцев сыпались со всех сторон. 24 августа 1915 г. оргкомитет латышских стрелковых батальонов обратился к Лифляндскому губернатору с просьбой о выдаче казенного продовольственного пособия семьям добровольцев, зачисленных в латышские стрелковые батальоны [6, л. 1].

Губернское управление по воинской повинности ответ дать не смогло и неоднократно запрашивало разъяснения у Главного штаба, предлагая считать латышские стрелковые батальоны приравненными по способам формирования к дружинам, образованным по распоряжению военного начальства [6, л. 3–4].

Наконец 25 октября 1915 г. пришел ответ, в котором указывалось, «что на основании §9 Положения о латышских батальонах все служащие в этих батальонах считаются на действительной службе и получают все права, связанные с воинским званием, почему, конечно, пользуются всеми правами, связанными со ст. 60 Положения 25 июня 1912 года» [6, л. 6].

10 мая 1915 г. Кутаисский губернатор просил канцелярию Наместника на Кавказе дать разъяснение – надлежит ли выплачивать пособия и назначать пенсии добровольцам Кутаисской и Тифлисской грузинских дружин и их семьям [7, л. 1 об.].

Управление при этом особо отмечало, что добровольцы принимали участие в боевых действиях, а не были полицейским формированием для поддержания внутреннего порядка, на которых данный закон не распространялся [7, л. 1].

15 декабря 1915 г. командующий Кавказской армией поддержал идею уравнивания в правах добровольцев грузинских дружин с добровольцами русского происхождения. В это время уже начался процесс реформирования грузинских и армянских добровольческих дружин в стрелковые батальоны, т.е. в регулярные подразделения русской армии. Следовательно, их семьям были положены пайки [7, л. 18].

Но система была достаточно инертной и неповоротливой. 20 февраля 1916 г. начальник Управления воинской повинности уведомил канцелярию Наместника на Кавказе, «что добровольцы грузинских дружин должны быть приравнены в правах к поступившим в ряды войск добровольцам русского происхождения, а потому и семьи их на основании п. 5 ст. 60 положения 25 июня 1912 года могут пользоваться продовольственным пособием» [7, л. 20].

Обязанность по обеспечению семей мобилизованных была возложена на местные власти, в первую очередь губернские. 24 октября 1915 г. командир Туркменского конного полка полковник С.П. Зыков сообщал в Главный штаб, что руководство Закаспийской

области отказало в выдаче казенного пайка семьям всадников, ввиду получаемого последними жалования. Дело в том, что Туркменский конно-иррегулярный дивизион создавался еще в XIX в. для охраны внутреннего порядка в Закаспийской области, т.е. для выполнения полицейских функций, а не армейских. Комплектовался он охотниками (добровольцами) из местных жителей и народов Кавказа, а при объявлении мобилизации всадникам выплачивалось денежное довольствие в размере 240 руб. в год каждому [7, л. 7].

Управление воинской повинности МВД пыталось узнать, принимает ли полк участие в реальных боевых действиях и каково мнение Главного штаба по поводу выдачи пайка семьям нижних чинов [7, л. 7 об.].

Отдел пенсионный и по службе нижних чинов Главного штаба разъяснил МВД 23 ноября 1915 г., что с началом войны Туркменский конный дивизион переформирован в полк, предназначением которого является не охрана внутреннего порядка, а ведение боевых действий, аналогично с другими полками кавалерии и казачества действующей армии. По мнению Главного штаба, раз на полки Кавказской туземной конной дивизии распространяется действие положения 25 июня 1912 г., то выдача пособия должна производиться и семьям нижних чинов Туркменского конного полка, так как порядок службы у них идентичен [7, л. 8–9].

Согласно положению Совета Министров, Высочайше утвержденному 10 декабря 1914 г., правом на продовольственное пособие пользовались семьи нижних чинов, «поступивших на службу в первый Дагестанский конный полк и поступивших в воинские части, сформированные из туземного населения Кавказа» [8, с. 212].

Однако и здесь, несмотря на то что обязательность выплат семьям всадников была установлена изначально, сами выплаты стали производиться со значительным опозданием – только весной 1915 г. и не с первого дня, когда доброволец пришел на вербовочный пункт, а с 15 ноября 1914 г. [9, л. 9]. Причитающуюся сумму на месяц приводили к количеству дней, которые фактически служил доброволец, и осуществляли выплату.

Начальник Закаспийской области просил разъяснить МВД: с какого времени следует выделять паек семье, т.к. все туркменские всадники не были мобилизованными, а как добровольцы они начали служить задолго до начала военных действий. Ответ поступил только 24 апреля 1916 г. Начальник Управления воинской повинности указывал, что выдачу пайка семьям всадников, проходивших службу в полку на начало войны, производить с первого дня войны, а всем остальным – со дня их поступления на службу [7, л. 21–22].

Организация выдачи пайка осуществлялась следующим образом. По распоряжению губернских правлений городские и сельские старосты проводили обследование нуждающихся в призрении семей нижних чинов, составляли списки членов семей, которым положены были выплаты по закону. Например, по г. Кубе Бакинской губернии в июне 1915 г. было выявлено 152 таких семейства, насчитывавших 552 получателя пособия (в среднем 3,6 человека на семью) [9, л. 67].

Далее уездные начальники получали кредит на эти цели и передавали деньги для раздачи нуждающимся под расписку через тех же старост и приставов полицейских участков. Расчеты производились по особой книжке, выдаваемой на имя жены нижнего чина или старшего члена семьи. В случае перемены членами семейства места жительства выдача пособия по прежнему месту прекращалась [8, с. 214].

Деньги выдавались авансом, на последующий период и раздавались достаточно быстро, без особых задержек. Джеватский уездный начальник капитан Б.М. Ерофеев доносил 30 июня 1915 г. в губернское правление, что в м. Сальяны пособие за июнь было получено 22 мая и в тот же день выдано семействам, а за июль получение и раздача были организованы 13 июня. Для жителей же сельской местности уезда деньги были получены 6 июня и переданы для раздачи приставам уезда [9, л. 118]. Геокчайский уездный начальник докладывал, что в городах выдача за май была выписана еще 27 апреля, уже к 6 мая ведомости раздачи были сданы в Бакинскую контрольную палату. Проживающим в сельской местности семьям пособие выписывалось на весеннюю четверть года (март – май) 20 марта, а уже в начале апреля сельские старосты завершили выдачу денег и сдали ведомости [9, л. 64–65].

В то же время губернские правления контролировали распоряжение денежными суммами уездными начальниками и, замечая нарушения, требовали объяснений и устранения недостатков. 30 июня 1915 г. Бакинское губернское правление указывало Джеватскому начальнику, что, согласно его докладом, у него был свободный остаток – 920 руб. 73 коп., а потом он куда-то «пропал» и необходимо выделить дополнительные средства (в размере этой же суммы) «для выдачи в пособие семействам запасных по числу новорожденных детей, а также тем семьям, кои прибыли в уезд после открытия кредита на июньскую четверть с.г., а равно и тем, права которых на получение пособия выяснены только теперь». Губернское правление не оспаривало сам факт возможного появления новых претендентов на получение пайка, а только требовало использовать для этого имеющиеся у уездного начальника свободные суммы (остатки) [9, л. 108].

Ленкоранский уездный начальник барон Г.Г. Тизенгаузен 22 июня 1915 г. просил скорейшего ассигнования 1964 руб. 88 коп., необходимых для удовлетворения семей добровольцев Татарской конной сотни с 1 марта по 1 сентября, так как эти семьи не были обеспечены деньгами ранее по причине недостатка кредита (недостаточное финансирование) [9, л. 95].

В ответ губернское правление сообщало, что численность получателей пособия в Ленкоранском уезде не изменилась и что уезд ежемесячно полностью получал финансирование на эти цели и докладывал об полной удовлетворенности всех нуждающихся, в том числе членов семей добровольцев Татарской конной сотни. А теперь же почему-то на этих представителей оформлена отдельная ведомость и идет запрос дополнительных денежных сумм, т.е., по мнению губернского правления, уезд пытался получить деньги за один и тот же месяц дважды [9, л. 109–110].

Тем не менее у многих всадников Текинского (Туркменского) конного полка оказалось по несколько жен (две-три). В конце мая 1916 г. поступило ука-

зание из министерства, устанавливавшее, что «все законные по мусульманским обычаям жены и их дети имеют право на получение казенного пособия» [7, л. 21 об., 24].

Нельзя согласиться с утверждениями, что социальная политика правительства в годы войны шла по пути либерализации гражданско-правовых отношений [10, с. 43]. Скорее, органы управления в решении социальных проблем традиционно стремились опереться на свои властные полномочия, а по возможности и расширить их. Законом от 15 апреля 1915 г. была установлена связь между достойным исполнением нижними чинами своего воинского долга и правом их семейств на получение пособия от казны. Семьи добровольно сдавшихся в плен и дезертиров лишались права на получение продовольственного пособия [11, л. 4].

Прекращалась выплата пайка семьям, в которых военнослужащий увольнялся с военной службы (по болезни, недисциплинированности и пр.). Елисаветпольский губернатор уведомлял Казахского уездного начальника 13 августа 1915 г., что всадник Татарского конного полка Ахмед Алиев уволен от военной службы ввиду его неисправимой порочности, и указывал на необходимость исключения семьи Алиева из числа получателей казенного пособия [12, л. 45].

В сентябре 1916 г. департамент полиции МВД отмечал случаи участия членов семейств в уличных беспорядках. 14 февраля 1916 г. в г. Баку толпа жителей разных национальностей, возмущенная недостатком мяса на рынках и дороговизной продуктов, разгромила лавки в Александро-Невских рядах, на Базарной и Колюбякинской улицах [13, л. 2–3; 11, л. 5]. 14 июня 1916 г. в г. Сухум Кутаисской губернии толпа женщин также устроила уличные беспорядки и попытались громить магазины [11, л. 6].

Поэтому МВД предлагало за участие в уличных беспорядках лишать семьи призванных в ряды армии права на получение продовольственного пособия [11, л. 9–10]. Однако до революции 1917 г. такие изменения в законодательство не были внесены.

На пособия семьям охотников (добровольцев), поступивших в татарские сотни в уездах Бакинской губернии, весной 1915 г. претендовали 195 человек [9, л. 10, 97]. В городах губернии таких добровольцев было меньше (73 человека), а сами денежные компенсации были выше [9, л. 14, 98]. В то же время семьи военнослужащих этнических формирований составили только 10% от общего количества получателей продовольственного пайка Бакинской губернии [9, л. 11, 13]. В августе-октябре 1915 г., когда прошли призывы ратников ополчения и досрочный призыв 1917 г., изменилось соотношение призванных, мобилизованных и этнических добровольцев по уездам: к декабрю 1915 г. члены семей татарских конных сотен составляли только 4,7% от общего числа получателей пайка в губернии [9, л. 28, 30].

Война неизбежно вызывала инфляцию, повсеместно наметился рост цен, в том числе на продукты питания. 3 мая 1915 г. Геокчайский уездный начальник докладывал о росте цен на продукты, предусмотренных в качестве пайка семьям, на 1 руб. 4 коп., т.е. рост составил 28% [9, л. 21 об.]. В г. Шемахе из-за роста цен стоимость пайка увеличилась на 84 коп. [9, л. 33]. Кубинский уездный начальник под-

полковник К.С. Леонтьев также докладывал губернатору 4 мая 1915 г., что практически все продукты подорожали, вследствие чего реальная стоимость пайка поднялась на 17,5% [9, л. 24]. Ленкоранское уездное по воинской повинности присутствие также в мае 1915 г. сообщало в Баку, «что в настоящее время поднялись цены на продукты, входящие в состав продовольственного пайка и таковые по уезду существуют на пуд муки 2 руб. 20 коп., крупы 4 руб., соли 80 коп. и постного масла 9 руб. 60 коп. [9, л. 36] (рост составил 33–35%).

Темпы роста цен продуктов питания и, соответственно, их стоимость в городах были выше, чем в сельской местности. Для жителей Петрограда размер пайка в 1914 г. был определен в размере 3 руб. 72 коп. Уже к июлю 1915 г. он достиг 6 руб. 90 коп., т.е. рост составил 85% [14, с. 240]. Бакинское губернское по воинской повинности присутствие 16 мая 1915 г. на заседании зафиксировало рост цен, повысило размер пайка, но, надеясь на начало реализации нового урожая в начале июня, установило его размер ниже рыночных цен. Для жителей всех уездов установили одну стоимость пайка – 3 руб. 80 коп., (в Бакинском же уезде – 4 руб. 50 коп.) [9, л. 42–45]. В этих условиях Бакинский губернатор В.В. Альшевский запрашивал кредит на эти цели в размере 90747 руб. [9, л. 40–41].

В декабре 1915 г. получателей продовольственного пособия в Бакинской губернии стало 10685,5. Число же получателей среди семей Татарского конного полка осталась неизменной – 2100 человек. Губернское присутствие учло значительный рост цен на продовольствие и установило стоимость пайка с 1 декабря 1915 г. для уездов: 4 руб. 50 коп. (для Кубинского уезда 4 р.) и для городов от 4 руб. 30 коп.

Пересчитав по новым ценам пайки, присутствие запросило в МВД кредит на сумму 167772 руб. 94 коп. [9, л. 344]. Т.е. рост затрат бюджета на данную статью расходов в январе 1916 г. по сравнению с августом 1915 г. составил 106%.

Таким образом, за год (с весны 1915 г. по весну 1916 г.) стоимость пайков по уездам Бакинской губернии выросла на 15–18%, в то время как рост цен составил 40–60%. Стоимость пайков в городах поднялась на 18–23%, а цены выросли на 30–40%. При этом только за второе полугодие 1915 г. число получателей пайков по Бакинской губернии возросло на 62% (с 7840 до 12698), а затраты бюджета, связанные с этими выплатами, на 85% (с 90747 руб. до 167772 руб.).

Денежная компенсация за продовольственное пособие производилась и за предыдущий период, с момента наступления такого права у семьи, но без соответствующей индексации – в том размере, который был законодательно установлен для того периода. В то время как на момент получения семьями денег цены вырастали уже в разы, и сами выплаты обесценивались. Не платили семьям польских дружинников, т.к. их территория была оккупирована немецкими войсками (пособие не выдавалось вообще в Келецкой, Холмской, Калишской губерниях, в Батумской области, что было связано с отсутствием призыва из данных мест [15, с. 66]). Была оккупирована немцами и Курляндская губерния, а собственно латышской оставалась только одна – Лифляндская. Разумеется, семьи и польских, и латышских военно-

служащих не все оставались на оккупированных территориях, а многие эвакуировались в тыл. Процесс этот ускорился после распоряжения прибалтийского генерал-губернатора П.Г. Курлова от 17 июля 1915 г. об эвакуации Курляндии и промышленных предприятий Риги [16, р. 25]. Так, например, по подсчетам Н.А. Михалева и С.А. Пьянкова, в европейские губернии страны, а также на Урал, в Сибирь, на Кавказ и в Туркестан было эвакуировано латышей 277788 [17, с. 102]. Но в Орловской губернии в начале 1916 г. их оказалось всего 3305 человек, в Тульской чуть больше 1000, а в Калужской – около 1300 человек [18, с. 115–116]. В силу их дисперсного пребывания в разных губерниях и областях и отсутствия компактного проживания этих этносов, местные губернские власти, получая от этих семей ходатайства о выплате денег за продовольственный паек, назначали им такие выплаты, в то же время не выделяя в своих делопроизводственных документах таких получателей в отдельную категорию. Все это создает трудности в определении точных цифр получателей пайков от этнических воинских формирований (особенно это касается поляков и частично латышей). Всё же представители этих народов (равно как грузины, армяне и осетины) обязаны были отбывать воинскую повинность и без этнических воинских формирований. Это означает, что государство должно было обеспечивать семьи таких военнослужащих пайковым довольствием по закону. Только служба кавказских и закавказских добровольцев, а также туркменских всадников в годы войны вызывала дополнительные расходы государства на эти цели.

За время Первой мировой войны выплата пособий стала самой крупной статьёй бюджетных расходов по гражданским ведомствам. Только в первый год на выплату пайков была затрачена седьмая часть бюджета, а впоследствии она достигала 40% невоенных затрат государства (за все время войны на пайки солдатским семьям было затрачено 5715 млн руб.) [3, с. 160; 19, с. 24].

Численность кавказских и туркестанских этнических формирований за годы войны существенно не изменилась, составляя от 3 до 4 тыс. человек, каждый из которых имел семью в среднем из 3,6 человек. Это позволяет аналитически-расчетным путем установить, что общие затраты государства вряд ли были больше 780–900 тыс. руб. в год, что составляло около 0,15% от общих затрат государственного бюджета на эти цели. В процентном соотношении затраты бюджета на социальную поддержку семей военнослужащих таких формирований из года в год снижались (при росте абсолютных показателей).

Проведенное исследование показывает, что меры социальной помощи были направлены на те категории населения, которые выполняли наиболее важную в условиях войны для государства функцию – службу в действующей армии. Государство осознавало, что положение членов семьи в аграрном обществе, лишившихся кормильца, становится тяжелым. В силу этого возникла необходимость материальной поддержки таких семей. На основе проведенного анализа установлено, что в годы войны семьи нижних чинов из мусульманских регионов Кавказа и Туркестана стали впервые получать материальную помощь от государства наравне со всем населением империи.

Государство полагалось на бюрократический аппарат и использовало его в организации процессов учета и выдачи пайка. Система уездных начальников и старост вполне успешно справлялась с этими дополнительными обязанностями – претензий по поводу выдачи денег не было. Нарушения были, но власть была не заинтересована ни в махинациях со стороны своих подчиненных, ни в росте недовольства населения из-за обид и несправедливостей, поэтому все было четко. Задержек с финансированием этих выплат тоже не выявлено.

Недовольство населения было вызвано растущей инфляцией, а не работой институтов власти. Аппарат учитывал национальные, религиозные и культурные особенности народов и, где это было возможно, шел навстречу, нередко заранее упреждая возможные запросы населения, тем самым снижая уровень социального возмущения, вызванного тяготами войны.

Список литературы:

1. Чубаров А.И. Социальная опека солдатских семей в эпоху Первой мировой войны (на примере Курской губернии) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 4. С. 1–8.
2. Щербинина Ю.В. Социальные практики и признание военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8 (041–042). С. 200–204.
3. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 147–162.
4. Положение Закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». 25 июня 1912 г. Полн. собр. зак. Росс. Имп. Собр. III. Т. XXXII. С. 943.
5. Государственный исторический архив Азербайджана (ГИААз). Ф. 62. Оп. 1. Д. 81.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 7. Д. 313.

7. РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 321.
8. Раненые офицеры и нижние чины, их эвакуация, денежное и вещевое довольствие, пенсионные права, а также обеспечение семей лиц, призванных на войну // Кавказский календарь на 1916 год. Отдел справочный. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1915. С. 189–233.
9. ГИААз. Ф. 140. Оп. 1. Д. 253.
10. Поткина И.В. Регулирование социальной сферы в России в годы Первой мировой войны // Экономическая история. 2017. № 1. С. 36–49.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 75. Д. 64.
12. ГИААз. Ф. 62. Оп. 1. Д. 82.
13. ГИААз. Ф. 524. Оп. 1. Д. 35.
14. Грудина А.Д. Организация материальной поддержки семей рядового состава Первой мировой войны и ее влияние на развитие протестных настроений в Петрограде // Научный диалог. 2018. № 7. С. 235–245.
15. Грудина А.Д. Законодательные основы социальной поддержки семей нижних чинов русской армии в годы Первой мировой войны: проблемы и решения // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций: сб. науч. ст. Вып. III. Брянск: Курсив, 2017. С. 63–69.
16. Gatrell P. A whole empire walking: refugees in Russia during World War I. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1999. 318 p.
17. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95–105.
18. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
19. Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // Красный архив. 1927. № 6. С. 3–33.

STATE POLICY IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY FOR FAMILIES OF SOLDIERS IN ETHNIC MILITARY FORMATIONS DURING THE WORLD WAR I (1914–1917)

© 2019

Podpryatov Nikolay Vyacheslavovich, doctor of historical sciences,
professor of Modern History of Russia Department
Perm State National Research University (Perm, Russian Federation)
Poperechnaya Anastasiya Dmitrievna, teacher of history
School of Business and Entrepreneurship (Perm, Russian Federation)

Abstract. The paper examines the normative legal acts of the First World War period, which regulated the social sphere, studied the social practices and institutions of the charity system in the national regions of the empire. The purpose of the paper is to analyze the measures of state social support and manage its delivery to certain groups of the empire population during the First World War. The relevance of the topic is determined by the fact that the issues of social assistance to families of soldiers and cavalymen of ethnic military formations have not yet become the subject of deep historical research. The authors, based on the systematization of legal documents of the era and the analysis of archival materials, first introduced into scientific circulation, identify common approaches in the production of cash benefits for food, reveal the features of the implementation of social charity regulations in national regions. A comparative analysis of the social practices of the war period allows us to conclude that the government's policy in this area was systematic and quite effective. Institutions of power demonstrated timely responses to the demands of society in matters of social security of the family, which provided timely and equal material support to the families of volunteers in the army, regardless of their ethnic or religious affiliation.

Keywords: World War I; soldier families; regulatory and legal acts; social welfare; food allowance; ration; prices; inflation; grocery set; ethnic military formations; county chiefs; county offices for military recruitment; Ministry of Interior; Governors.